

А. Н. Куклин, Олык-эрвел марий орфоэпий. Туньктышылан, Йошкар-Ола, Марий книга савыктыш 2003. 144 с.

В 1988 г. при Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В. М. Васильева была создана орфоэпическая комиссия по марийскому литературному языку в следующем составе: доктор филологических наук профессор Л. П. Грузов (руководитель), кандидаты филологических наук З. К. Иванова, А. Н. Куклин, Г. С. Патрушев и кандидаты исторических наук А. Ф. Веденькин, В. Ф. Сапаев. Из-за преждевременной смерти Л. П. Грузова, Г. С. Патрушева, А. Ф. Веденькина и В. Ф. Сапаева работа не была завершена. Лишь в октябре 1991 г. в журнале «Ончыко» был опубликован проект орфоэпического словаря марийского литературного языка для широкого обсуждения.

Отрадно, что один из бывших членов той комиссии, ныне доктор филологических наук А. Н. Куклин спустя 10 лет продолжил работу и издал пособие по марийской орфоэпии для учителей. В конце 1980-х годов, правда, намечалось создать такой словарь для более широкого круга пользователей, однако новой комиссии организовано не было, сотрудники института были поглощены работой над толковым словарем. В связи с этим А. Н. Куклин, проявив большую смелость, выполнил сложную задачу в одиночку и несколько в ином плане. Образцом для него послужила книга Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение. Учебное пособие для студентов педагогических институтов» (Москва 1984). При характеристике фонемного состава марийского литератур-

ного языка и принципов орфоэпии он использовал также работы Л. П. Грузова «Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика» (Йошкар-Ола 1979) и «Марий орфоэпий нерген мут» («Ончыко» 1991, № 5).

Работа состоит из 10 разделов и заключения. В первом разделе раскрывается понятие «орфоэпия» (с. 3—15). Здесь же автор повествует о двух стилях произношения — полном (литературном) и неполном (разговорном). Разговорный стиль используется при разговоре двух или нескольких людей (с. 3), полный же при выступлении перед группой людей, по радио, телевидению, на собрании, в классе или аудитории с речью или докладом. Однако мне кажется, вряд ли выступление на собрании обязательно следует отнести к полному стилю, ибо выступающий вполне может отойти от литературных норм произношения. В работе по орфоэпии нецелесообразно вести речь о синтаксических и морфологических отличиях разговорной речи от литературной нормы, а также о мимике и жестах при разговоре (с. 4). И совсем уж не относится к орфоэпии проблема обогащения литературного языка лексикой диалектов (с. 13—14).

Второй раздел (с. 15—22) посвящен связи орфоэпии с орфографией. Автор кратко излагает историю марийской орфографии и приходит к выводу, что орфография и орфоэпия марийского языка уже установились к концу 1930-х годов, но орфографический словарь 1992 г. внес немало трудностей в написание рус-

ских заимствований. Причина, по мнению А. Н. Куклина, заключается в том, что различия в написании не изучены и не проанализированы, а потому одни газеты пользуются орфографией 1972 г., другие же орфографией 1992 г. (с. 15—16). Он предлагает почти полностью вернуться к орфографии 1972 г. Однако это опять же напрямую к орфоэпии не относится. Я согласен с автором пособия, что орфографические правила должны быть обоснованы нормами орфоэпии (с. 17). Но, к великому сожалению, установившихся орфоэпических норм марийского языка до сих пор нет, что подтверждают и его материалы. Например, на с. 5 отмечено, что смычная аффриката *č* перед щелевым *s* ассимилируется с ним, т.е. вместо *čs* произносится *ss*: *tjčsa* [tjissa], *počsa* [poissa], *šičsa* [šissa]. Думаю, это ошибка. Такое произношение марийскому литературному языку чуждо, ибо среднеязычный *č* и в данном случае, на мой взгляд, сохраняет свое качество, полной ассимиляции здесь нет. Тем самым вряд ли можно говорить об окончательном установлении норм произношения марийского литературного языка.

Рецензируемая работа написана одним автором, она нигде на обсуждалась и не рецензировалась, поэтому считаю, что автор высказывает в ней свою личную точку зрения, которую не следует воспринимать как норматив.

А. Н. Куклин уделит много внимания слитному написанию названий частей речи, рекомендованному орфографической комиссией в 2003 г. (с. 18). Он боится, что старшему поколению будет трудно забыть раздельное написание и усвоить новые правила. А это, якобы, вызовет охлаждение к родному языку, так как сложные слова окажутся длинными, например: *онгартышмут* 'подражательное слово', *палымут* 'имя прилагательное'. Автор задается вопросом: почему названия частей речи в марийском языке нельзя писать, как прежде, ведь в русском языке они пишутся раздельно (с. 17—18). Возникает ответный вопрос: разве каждый язык должен следовать правилам русского языка?

По мнению А. Н. Куклина, русские заимствования женского рода, обозначающие профессию и национальность, нужно писать, как в языке-оригинале, поскольку они прижились уже в такой форме, но орфографией 2003 г. это не учтено. В доказательство приводятся стихи М. Казакова, В. Горохова, В. Колумба (с. 19), написанные по орфографическим правилам 1972 г. К тому же обсуждать правописание, как мне кажется, в работе по орфоэпии не следовало бы.

В третьем разделе речь идет о развитии разговорных норм произношения. Автор прав, что нормы меняются с переменами в жизни, но конкретно о создании норм произношения для всего марийского народа не говорит. В данном разделе он анализирует фонетические варианты русских заимствований в марийских диалектах, верно отмечая, что в современном марийском литературном языке стало закономерным произношение двух согласных рядом в заимствованных словах: *бланк*, *блокнот*, *гранат*, *грипп*, *значок*, *крокодил*, *плащ*, *прожектор* и т.д. (с. 24). Это признается орфоэпической нормой, но она не охватывает все поколения марийцев и все марийские диалекты. Автор подтверждает это положение примерами. И в этом разделе много внимания уделяется лексическим и грамматическим нормам, критике орфографии 2003 г. Приводится и высказывание З. В. Учаева (с. 26—27), которое никак нельзя отнести к нормам орфоэпии.

Прав А. Н. Куклин, когда не соглашается с Л. П. Грузовым, предлагавшим считать нормой произношения и глухой и звонкий диалектные варианты согласного *t* в сочетании *lt*: *йолдаш* ~ *йолташ* 'товарищ', *шолдаш* ~ *шолташ* 'варить'. Нормой следует считать вариант на *lt*: *йолташ*, *шолташ*, так как омоформы ведут к изменению семантики: *йолдаш* 'наматывать нитки на мотовило', *йолташ* 'товарищ' (с. 27).

В четвертом разделе автор кратко излагает историю печати на марийском языке начиная со второй половины XIX в. — с переводов братства св. Гурия, при котором была переводческая комиссия и велась издательская деятельность.

Далее рассматривается «Марла календарь» как первое периодическое издание на марийском языке. Основатель и редактор его В. М. Васильев поставил перед собой благородную цель создания для марийского народа единого литературного языка. Цель эта не достигнута до сих пор из-за противодействия части горномарийской интеллигенции. Весьма справедливо мнение А. Н. Куклина о важной роли средств массовой информации, театра, радио и телевидения, а также художественной литературы в становлении орфоэпических норм и в овладении ими всем марийским народом (с. 32, 35).

В пятом разделе рецензируемой работы приведена фонетическая транскрипция на базе кириллицы. Шестой и восьмой разделы посвящены артикуляционной характеристике звуков марийского языка в фотографиях, рентгенограммах и на рисунках. В восьмом разделе автор описывает долготу гласных под ударением и в безударном положении; а также палатально-велярную гармонию гласных (с. 56). В целом перечисленные разделы непосредственного отношения к орфоэпии не имеют — речь в них идет о фонетике марийского языка.

В девятом разделе (с. 56—108) дана характеристика вокализма марийского языка. Система гласных лугомарийского литературного языка, как пишет автор, состоит из восьми фонем: *i, ï, e, ò, ä, a, u, o* (с. 56). Он не согласен с И. Г. Ивановым, что в русских заимствованиях марийского литературного языка закрепились фонема *j*, считая ее лишь вариантом марийской фонемы *ä* (с. 57—59), хотя с этим можно поспорить, ибо смысловоразличительная функция данных гласных явно наличествует. Далее автор описывает палатальную (у него: палатально-велярная) и лабиальную гармонию гласных (с. 59—65), различия в употреблении гласных по диалектам (с. 66—72), ударение в разных частях речи и морфологических структурах. Завершают раздел 13 правил постановки ударения в словах (с. 104—108). На с. 100 А. Н. Куклин утверждает, что при изменении по лицам деепричастия на *-шыла* с притяжательными суффикса-

ми *-ем, -ет, -ыж, -ышт* ударение падает на *-шыла*, а не на притяжательный суффикс. Мне кажется, здесь допускается ошибка, особенно по поводу притяжательных суффиксов 1-го и 2-го лица единственного числа, поскольку они в любом случае ударны: 1 л. *коштшэмла*, 2 л. *коштшэтла*, а в 3-м лице единственного и множественного числа ударение падает на основу деепричастия: *коштшыштла* 'когда они ходили'.

В десятом разделе автор приводит систему и характеристику согласных фонем марийского языка. Л. П. Грузов экспериментальным путем установил наличие в марийском литературном языке (его луговом варианте) 22 согласных фонем: *p, t, k, v, d, g, š, ž, s, z, f, h, č, c, m, n, ñ, ñ, l, l', j*. Фонемы *č, t', s', ž* он считал диалектными. А. Н. Куклин добавил еще шесть фонем: *t', d', s', ž, r', b* (с. 111), однако, к сожалению, не привел ни одного примера. Если фонему *j* в русских заимствованиях он считает вариантом мар. *ä*, то почему равным образом считать *t', d', s', ž, p, b* вариантами фонем *t, d, s, z, p, v*? Мне кажется, что Л. П. Грузов был прав.

Далее описываются диалектные различия в употреблении согласных (с. 114—124), ассимиляция (с. 124—128), замена звуков, т.е. переход глухого согласного в звонкий (с. 128—129). Автор допускает явную ошибку относительно исторической судьбы фонем *t, d*. Он пишет, что первоначальный звонкий *d* в конце слова выступает в виде глухого *t*: *кит* 'рука', но оказавшись между гласными, возвращает свое первоначальное звучание *d*; приводится парадигма склонения: им. *кит*, род. *кидын*, вин. *кидым* (с. 128—129). Праформу этого слова этимологи представляют в виде **käte* (Основы финно-угорского языкознания, Москва 1972, с. 412; MSzFE и др.). Тем самым говорить о восстановлении первоначального звучания *d* между гласными никак нельзя.

Автор приводит несколько примеров на диссимиляцию звуков в диалектах марийского языка (с. 130), более подробно рассматривает диерезу (с. 130—133) и коротко останавливается на эпентезе и метатезе (с. 134—135), но о том,

что в этих случаях считать литературной нормой, не говорит ни слова.

В заключении (с. 136—137) автор пришел к выводу, что хоть марийский литературный язык и заметно развивается, местные разговорные различия дают о себе знать. Здесь А. Н. Куклин противоречит самому себе: сначала говорит о том, что нормы разговорной речи марийского литературного языка в целом установились (с. 22), а затем, что развиваются. Далее приводится цитата из газетной статьи Г. С. Патрушева о заимствованиях в марийском языке. Несомненно, Г. С. Патрушев прав, что при наличии собственномарийского слова нет необходимости вместо него употреблять как в разговоре, так и на письме русские заимствования. Но это же не имеет отношения к орфоэпии. Лишь в конце заключения А. Н. Куклин обращает внимание учителей на то, что в последнее время в речи учеников и даже молодых журналистов нередко можно услышать русский звук *j*: *тыште* [tjʃste] вместо *тыште* [tʃʃste]. Однако причина этого явления не раскрывается. Заключается же она в одинаковом написании и рус. *j* и мар. *ɶ* как *ы*. При чтении марийского текста ученик автоматически марийскую букву *ы* произносит как русскую. По-видимому, есть необходимость ввода в марийский алфавит мар. *ɶ*, чтобы не было путаницы.

Автор рецензируемой книги в целом дает характеристику фонетике марийского языка, но мало говорит о нормах произношения. Хотелось бы узнать его мнение относительно норм марийского литературного произношения, еще лучше — формулировку этих норм в прави-

лах. Нельзя не согласиться с Р. И. Аванесовым, когда он пишет в предисловии к 4-му изданию своей книги «Русское литературное произношение», что «автору был сделан упрек в том, что при наличии произносительных вариантов он больше описывает современное состояние русского литературного произношения, чем устанавливает нормы. Упрек этот следует признать справедливым; но не менее справедливо и то, что ни один автор в качестве отдельного лица не может и не имеет права взять на себя функции «законодателя», предписывающего нормы произношения.» (с. 5—6). Автору рассматриваемой книги, мне кажется, следовало бы учесть эту мысль Р. И. Аванесова, обсудить на орфоэпической комиссии рукопись или хотя бы дать авторитетному, хорошо знающему фонетику современного марийского литературного языка ученому на рецензию. Тогда подобных упущений не было бы. Но несмотря на это, надо поблагодарить А. Н. Куклина за то, что он проявил смелость взять на себя тяжелую работу и величайшую ответственность и выразил свое мнение по поводу марийского литературного произношения. Настала пора восстановить работу орфоэпической комиссии и издать орфоэпический словарь современного марийского литературного языка.

Хочется пожелать автору, чтобы он, учтя все недочеты, переиздал в скором будущем свою работу как учебное пособие для студентов марийских отделений Марийского государственного педагогического института и Марийского государственного университета.

И. В. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)